

ФИЛОЛОГИЯ*(шифр научной специальности: 10.02.19)*

УДК 81

И.В. Котельникова, М.В. Кузнецова, А.В. Карпова*Донской государственный**технический университет,**г. Ростов-на-Дону, Россия*

baranova89@bk.ru

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОВТОР
И ВОПРОС ИНТЕНСИФИКАЦИИ ИЗОБРАЖАЕМОГО
В НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМОЙ РЕЧИ*****[Inna V. Kotelnikova, Marina V. Kuznetsova, Anastasia V. Karpova******Lexico-semantic repetition and the issue of intensification depicted
in improperly direct speech]***

The pragmatic potential of semantic repetition is analyzed in the process of linking a sentence into a single linear sequence. It is taken into account that in the process of identifying the optimal appropriateness of language facilities, the reader a priori accepts some textual and contextual assumptions. In the cognitive consciousness of the reader, these two operations are updated simultaneously, mutually complementing each other. As a result, the reader puts forward his own hypotheses regarding the context, the explicit content of the utterance, produced by the statement of the cognitive effect. According to our observations, syntactic constructions, including two or more components with a synonymous value, differ in their improperly direct speech with a special frequency. These components, which are not identical from the point of view of their interpretation, form a semantic repetition. The analyzed constructs can include more than two components modeling the semantic repetition. It is noted that the emphatic repetition effect is modeled not on the basis of the proposition of the utterance, but is related to the pragmatic meaning of this statement. The repetition does not detail the propositional, but the pragmatic meaning of the utterance. An additional research dimension is introduced into the study of the emphatic effect, modeled by the semantic repetition in the process of linking the sentence into a single linear sequence. It is noted that the components that simulate the semantic repetition at the level of artistic expression have a different degree of expression of the intensity of the manifestation of the feature. As a result, the statement with a semantic repetition begins to possess a plurality of meanings, and the reader "sees" in the utterance those meanings that correspond to his picture of the world.

Key words: improper direct speech, semantic repetition, cognitive effect, pragmatic meaning of the utterance, emphatic effect.

Несобственно-прямая речь в современной лингвистике рассматривается как форма повествования, в рамках которой тональность и полифония, обна-

руживаемые в когнитивном сознании размышляющего персонажа, выступают в качестве глобальной коммуникативной перспективы восприятия текста, замещающей объективное изложение событий автором-рассказчиком [4]. При анализе прагматического потенциала семантического повтора в процессе связывания высказывания в единую линейную последовательность мы должны принять следующие теоретические условия:

- художественная коммуникация представляет собой производство неявного смысла, выраженного языковыми средствами, интерпретируя который читатель реконструирует те мысли, которые автор пытается донести до него [3];
- репрезентация этих мыслей предполагает актуализацию прагматических процессов, которые определяются авторской установкой на оптимальную уместность используемых при этом языковых средств [3];
- смысл, извлекаемый читателем посредством прагматических процессов, не рассматривается как точная копия мыслей автора, но как собственная интерпретация этих мыслей, т.е. как ментальная репрезентация, которая лишь в чем-то сходна с авторскими мыслями в плане их логического и контекстуального выражения (импликаций) [3].

В процессе выявления оптимальной уместности языковых средств в составе высказывания читатель трансцендентально принимает некоторые текстуальные допущения, чтобы «облачить» декодированный смысл в эксплицитное пропозициональное содержание, т.е. осуществляет экспликатуру. Также читатель принимает некоторые контекстуальные допущения, которые «открывают» доступ к концептуальному содержанию эксплицированного смысла, что определяет когнитивный эффект высказывания на читателя [3]. В когнитивном сознании читателя указанные действия актуализируются одновременно, взаимно дополняя друг друга. В итоге читатель выдвигает собственные предположения относительно контекста, эксплицитного содержания высказывания, производимого высказыванием когнитивного эффекта.

Особой частотностью в несобственно-прямой речи различаются синтаксические конструкции которые включают в свою структуру несколько компонентов с синонимичным значением. Эти компоненты, которые не являются тождественными с точки зрения их толкования, образуют семантический повтор, выступающий средством связности высказывания. Ср.:

(1) “*He made a complete mental retreat; went far away*” [1];

(2) “*In the beginning it was a tension, an element of strain that grew and crept like a thin worm through the harmony of their embrace*” [2];

(3) «У Редиса была своя правда, и сердце **ныло, болело, останавливалось...**» [3].

При условии, что перед вторым сегментом повтора ввести эксплицитный дискурсивный маркер, который указывает на переформулировку объекта сообщения (*or, in other words, that is/ или, другими словами, то есть*), смысл передаваемый данными конструкциями меняется, поскольку семантика высказывания осложняется значением маркера. Ср.:

(4) “*In the beginning it was a tension, **that is**, an element of strain that grew and crept like a thin worm through the harmony of their embrace*” [2];

(5) «У Редиса была своя правда, и сердце **ныло или останавливалось...**» [3].

Так, маркер *or/или* в сочетании с выражением *in other words/ другими словами* формирует отношения перефразирования. Ср.:

(6) “*Today we’ll learn how to treat cuts, **or, in other words**, lacerations*” [1];

В сочетании с компонентом *rather* союз *or* формирует отношения уточнения.

(7) “*I keep thinking of my uncle Arthur, **or rather** my great uncle Arthur...* [4].

Анализируемые конструкции могут включать в свой состав более чем два компонента, которые формируют семантический повтор. Например:

(8) “*She has a curious feeling as she stands there, as though something is out of place, a wrongness somewhere, an uneasiness, an overwatching*” [5];

Анализ обозначенных ранее примеров не может сводиться только к установлению отношений переформулирования между компонентами, которые формируют семантический повтор. Так или иначе, приведенные примеры красноречиво говорят об этом. Так, в примерах автор имеет возможность выразить одну и ту же мысль несколькими методами, чтобы достигнуть эффатического эффекта, который может быть сопоставлен с эффектом, моделируемым семантическим повтором в примере:

(9) “*He went **far far** away...*” [6].

Ученые отмечают, что эффатический эффект повтора строится не на основе пропозиции высказывания, а имеет отношение к прагматическому значению данного высказывания. Повтор конкретизирует не пропозиционное, а прагматическое значение высказывания. Например, в примере (10)

семантический повтор моделирует силу испытываемой персонажем эмоции: интенсивное проявление относится именно к словоформе *flattened*, которая выражает более сильную степень депрессии, чем словоформа *depressed*:

(10) “*He felt depressed, flattened...*” [7].

Приведенные выше примеры относятся к прагматической сфере отражения аффективной коммуникации, и этот факт дает нам возможность предложить, что авторы используют лексико-семантический повтор в риторических целях. Они способствуют созданию у читателя впечатления интенсивности проявляемого признака, делают упор на активности его реализации персонажем. При этом примеры (1), (8) отражают передачу мыслей самого повествователя относительно некоторого положения дел. В примере (6) представляются мысли персонажа, а поэтому он может рассматриваться как несобственно-прямая речь.

Анализируемые примеры, которые отражают процесс связывания высказывания в единую последовательность с помощью семантического повтора задействуют как описательные акты художественной коммуникации, и с их помощью авторы выражают собственные мысли по отношению к некоторому положению дел, так и атрибутивные акты художественной коммуникации, с помощью которых авторы обозначают мысли персонажа относительно некоторого положения дел.

Данное отличие вводит дополнительное исследовательское измерение в изучение эмфатического эффекта, создаваемого семантическим повтором в процессе связывания высказывания в единую линейную последовательность. В примерах (1), (8) авторская цель создания повтора при помощи двух сегментов предстает следствием установки автора, что это является наиболее оптимальным способом выражения собственных мыслей относительно некоторого положения дел в целях их сообщения читателю.

В примере (6) актуализация семантического повтора отражает тот когнитивный характер размышления, посредством которого персонаж в речевом плане представляет свои мысли относительно некоторого положения дел. Другими словами, то, что репрезентируется высказыванием с лексико-семантическим повтором, должно рассматриваться как то, что приписывается повествователю или персонажу, чьи мысли отражаются в данном высказывании. Думается, что в данном отношении логически возникает вопрос: что конкретно приписывается повествователю или персонажу?

Поскольку интенсивность проявления признака или акцент на том или ином компоненте пропозиции высказывания не могут рассматриваться в качестве концептуальной составляющей мысли. В случае описательных и атрибутивных речевых актов прагматическая роль семантических повторов заключается не в чистом дублировании мыслей повествователя или персонажа, а в том, чтобы обеспечить читателю основание для определенной интерпретации. В процессе актуализации дескриптивного использования языка данная интерпретация призвана вызвать у читателя чувство обоюдности между повествователем и читателем, подчеркнуть настроенность повествователя на диалог с читателем. В случае несобственно-прямой речи или актуализации атрибутивного использования языка читательская интерпретация призвана вызвать чувство обоюдности между персонажем и читателем. Моделируемая обоюдность в большей степени обладает аффективным, нежели когнитивным характером. Каким же образом аффективная обоюдность достигается в художественном тексте? Очевидно, что семантический повтор не всегда призван создать впечатление интенсивности проявления того или иного признака, подчеркнуть динамический характер его реализации.

Компоненты, моделирующие семантический повтор на уровне художественного высказывания, обладают разной степенью выражения интенсивности проявления признака. Ср.:

(11) *“I’m leaning. You’ve **spoilt** the whole evening, **ruined** it”* [8].

Словоформа *spoilt* может быть интерпретирована читателем и как незначительный, и как значительный ущерб, причиненный говорящему персонажу персонажем-адресатом. Словоформа *ruin* непосредственно обозначает следствие действия, выраженного словоформой *spoilt*, т.е. с точки зрения выражаемого автором смысла вторая словоформа оказывается «более сильной», чем первая. Таким образом, мы можем сказать, что интенсивность проявления действия моделируется словоформой, лексическое значение которой в процессе выражения семантического повтора оказывается в информационном отношении «более сильным». Если мы поменяем анализируемые словоформы местами, то оттенок интенсивности проявления действия, как представляется, становится субъективным. Ср.:

(12) *“I’m leaving. You’ve **ruined** the whole evening, **spoilt** it...”* [8].

Если бы говорящий персонаж хотел посредством повтора реализовать более интенсивное проявление действия, то данный порядок словоформ мог бы также быть намеренным. Смысл, извлекаемый читателем из словоформы *spoilt* в каждом из обозначенных случаев, не будет совпадать с общим концептом *spoilt*, а будет приближаться к трактовке этого концепта, которую придерживается персонаж в конкретном акте общения.

Это становится следствием контекстуальных допущений читателя, из которых им извлекаются потенциально возможные импликатуры смысла персонажа:

- говорящий персонаж полагает, что вечер не был удачным, как он хотел бы;
- говорящий персонаж полагает, что персонаж-адресат несет ответственность за то, что вечер выдался именно таким;
- говорящий персонаж недоволен поступком персонажа-адресата.

Актуализация в семантическом повторе словоформы *ruin* стимулирует читателя на признание других текстуальных допущений, например:

- говорящий персонаж полагает, что положение дел не может быть исправлено;
- говорящий персонаж обижен на персонажа-адресата.

Проектируя подобные импликации, автор стимулирует читателя на сравнение текстуальных эффектов, извлекаемых на основе интерпретации второго компонента повтора, с эффектами, извлекаемыми из первого компонента. В результате читатель «оправдывает» связывание словоформ *ruin* и *spoil* в рамках семантического повтора, «видит» намеренность соединения этих словоформ в рамках единого высказывания. Другими словами, уместность словоформ, моделирующих семантический повтор, определяется речевыми характеристиками данных компонентов, позволяющими читателю дифференцировать понятия *ruining the evening* и *spoiling the evening*. В процессе интерпретации семантического повтора читатель устанавливает речевые характеристики компонентов семантического повтора. Основой для данной интерпретации становятся именно слабые импликатуры данных компонентов, которые позволяют читателю субъективно «считывать» их из высказывания.

В результате высказывание с семантическим повтором начинает обладать множественностью смыслов, и читатель «видит» в высказывании те смыслы, которые соответствуют его картине мира. Связывая художественное выска-

зывание в единую линейную последовательность на основе семантического повтора, автор имеет возможность «вложить» в высказывание больше эмоционального потенциала, чем если бы в данном высказывании был только один компонент повтора. Ср.:

(13) “*I’m leaving. You’ve spoilt the evening*” [8];

(14) “*I’m leaving. You’ve ruined the evening*” [8].

Аналогичный анализ можно предложить и для примера (8) с той лишь разницей, что второй компонент семантического повтора употреблен в нем в переносном значении. В результате описание эмоционального состояния персонажа становится более ярким, наполняет первый компонент повтора *depressed* субъективными смыслами. Эмоциональное состояние персонажа, описываемое посредством словоформы *depressed*, может быть интерпретировано читателем и как временный, и как постоянный психологический настрой. При отсутствии каких-либо уточнений со стороны автора, читатель воспринимает данную словоформу (концепт, выражаемый ею) на основе собственных контекстуальных допущений, что не гарантирует тот факт, что читатель воспримет именно тот смысл, который автор вкладывал в данную словоформу.

В связи с этим, семантический повтор оказывается уместным в составе данного высказывания, поскольку авторский смысл, вложенный в словоформу *depressed*, раскрывается на фоне словоформы *flattened*, имеющей метафорическое значение. Интерпретация словоформы *depressed* через словоформу *flattened* способствует тому, что в когнитивном сознании читателя происходит расширение концепта *depressed*, который включает не только понятие о ментальном состоянии персонажа, но и понятие о его физическом облике. Таким образом, автор стимулирует читателя на восприятие целостного портрета персонажа, отражающего его и внутренний, и внешний облик. Репрезентация состояния персонажа становится более динамичной, читатель адекватно интерпретирует данное состояние, несмотря на то, что первый компонент семантического повтора содержит слабые импликатуры. Например, читатель может интерпретировать повтор как отражение того, что жизнь персонажа полностью разрушена, для него оказывается невозможным вернуться к нормальному образу жизни, персонаж исчерпал свою внутреннюю энергию и т.д. Более того, актуализуя состояние

персонажа посредством семантического повтора, автор стимулирует читателя на сравнение когнитивных эффектов, извлекаемых из целостного повтора и только из первого компонента повтора.

Автор акцентирует внимание читателя на характеристиках, которые дифференцируют состояние, о котором говорит персонаж в данном акте общения, и другие возможные состояния, которые тоже можно потенциально обозначить как «депрессия». Следовательно, в художественном тексте наблюдается факт эмфатического выделения, индивидуализации состояния персонажа.

Исследователи отмечают, что чувства отличаются сугубо субъективной природой, индивидуальностью в формах проявления, поэтому не удивительно, что их трудно выразить в рамках художественного текста. Однако, как мы увидели выше, эти трудности связаны не с авторской репрезентацией сугубо индивидуальных чувств персонажа посредством языка, а с трудностями самого персонажа, пытающегося выразить свои чувства. Персонаж испытывает чувства, которые он не может «узнать», поскольку они не подпадают ни под один известный персонажу концепт. Каждый из компонентов семантического повтора оказывается уместным и вносит свою лепту в связность высказывания в линейную последовательность, поскольку позволяет адекватно представить эмоциональное состояние персонажа в момент повествования.

В процессе моделирования подобного семантического повтора автор принимает допущение, что концепт, закодированный в каждом из компонентов повтора, будет обогащен читательскими субъективными составляющими, т.е. читатель будет рассматривать образ персонажа через призму собственных эмоций, испытанных в аналогичной ситуации. Другими словами, семантический повтор не только связывает художественное высказывание в единую линейную последовательность, позволяет адекватно представить эмоциональное состояние персонажа, но и актуализовать субъективный опыт читателя, рассмотреть персонажа на фоне своей индивидуальной картины мира.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. *Андриевская А.А.* Несобственно-прямая речь в художественной прозе Луи Арагона. Киев: Киевский университет, 1967.
2. *Белянин В.П.* Психологическое литературоведение: текст как отражение внутренних миров автора и читателя. М., 2006.
3. *Богомолов А.Ю.* Языковая личность персонажа в аспекте психопоэтики: На материале романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Череповец, 2005.
4. *Гончар А.А.* Стратегия художественной коммуникации в творчестве Фридриха Дюрренматта: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.
5. *Ибрагимова С.К.* Языковые средства выражения индивидуально-авторской художественной системы: проза А.В. Амфитеатрова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2009.

R E F E R E N C E S

1. *Andrievskaya A.A.* Indirectly direct speech in the artistic prose of Louis Aragon. Kiev: Kiev University, 1967.
2. *Belyanin V.P.* Psychological literary criticism: the text as a reflection of the inner worlds of the author and reader. Moscow: Genesis, 2006.
3. *Bogomolov A.Yu.* The language personality of the character in the aspect of psycho-ethics: On the material of the novel L.N. Tolstoy "Anna Karenina": abstract of the thesis. Cherepovets, 2005.
4. *Gonchar A.A.* The strategy of artistic communication in the work of Friedrich Dürrenmatt: abstract of the thesis. M., 2006.
5. *Ibragimova S.K.* Language means of expression of the individual-author's artistic system: Prose A.V. Amfiteatrova: abstract of the thesis. Makhachkala, 2009.

СПИСОК ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Wax W.* Ten Beach Road. NY.: Faber and Faber, 1999.
2. *Wax W.* Leave it to the Cleavage. NY.: Faber and Faber, 1997.
3. *Березин В.* Свидетель. М.: Художественная литература, 1989.
4. *Gray C.* Hourglass. L.: Penguin, 2009.
5. *MacAlister M.* Me and My Shadow. L.: Vintage, 2008.
6. *Abe S.* Treasure Keeper. NY.: Random House, 2005.
7. *Sparks N.* Dear John. L.: Penguin, 2010.
8. *Robinson K.S.* Forty Signs of Rain. NY.: Random House, 2005.

15 июня 2018 г.
